

Восторг и боль художника

БРЮЛЛОВА

Лит. Россия - 1998 - 14 абз. - с. 12

Когда-то разгоряченный Александр Сергеевич Пушкин читал фрагмент из «Евгения Онегина». Изысканное общество, украшенное светскими дамами, восторженно смотрело на поэта. Но когда он дошел до слов: «Панталоны, фрак, жилет», дамы смутились, а одна кокетливо произнесла: «Какой, однако, Пушкин индесса». Пушкин хорошо знал французский и понял, что дама сказала про него, что он непристойный. И Пушкин залился громким, веселым смехом. Про смех поэта художник Брюллов говорил: «Когда Пушкин смеется, у него даже кишки видны».

Вот мы и дошли до художника Карла Брюллова, о котором и пойдет дальше повествование, но вначале вспомним императора Николая I, о котором у нас почему-то многое умалчивают, хотя если проанализировать время его правления, а это с 1825 по 1855 год, то оно взрастило большую плеяду талантливых людей. Тут напрашивается простая аналогия — коль император красив, то время правления красиво. Тем паче и общество счастливее.

Вот как описывает императора Николая I Тютчев: «Никто, лучше как он, не был создан для роли самодержца... Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд, все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем... Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее... Повсюду вокруг него в Европе под влиянием новых идей зарождался новый мир, этот мир индивидуальной свободы... Николай I был Дон-Кихотом самодержавия...»

Высокий стиль повествования. Но стоит добавить еще и то, что он владел английским, французским, немецким, древнегреческим языками и мог изъясняться на латыни. При нем началось строительство храма Христа Спасителя и Большого Кремлевского дворца в Москве.

А одна всего лишь деталь говорит о тщательном рдении во благо Отечества: царь самолично проверял списки чиновников, выезжающих за границу за казенный счет. И в одном он резко вычеркнул трех лиц, наложив резолюцию: «Нечего тратить государственные деньги на пустую поездку».

А теперь от государственных дел перейдем к частным, личным. Рассказ пойдет о графине Юлии Павловне Самойловой, дочери генерала от кавалерии графа Павла Петровича Палена. Восхитительно красива была графиня! И, будучи фрейлиной, она вышла замуж в двадцать два года за флигель-адъютанта графа Самойлова...

Эта умная, красивая, обворожительно любезная графиня в своем имении под Петербургом собирала весь цвет общества. Осведомители докладывали царю Бог знает что... И, переполненный любопытством, государь обратился к графине с просьбой продать ему имение в Славянске. Самойлова обворожительно улыбнулась, согласившись, но при этом обронила: «Все ездили не в Славянку, а к графине Самойловой и, где бы она ни была, будут продолжать к ней ездить».

Что и говорить, ответ дерзкий. Но перед красотой женщины и короли падают на колени. А Самойлова вольной птицей разъезжала по белу свету, очаровывая своей красотой и несметным богатством. Достаточно сказать, что в Милане у нее был шикарный дворец, в Париже великолепное имение. И всюду и везде, где появлялась Самойлова, бурлило веселье, отшибали колени галантные кавалеры, а некоторые из неудачников хватились за пистолеты и не моргнув глазом пускали горячие пули в висок. Что поделаешь, были гусары в том веке.

Ну как мог художник Карл Брюллов не запечатлеть яркую звезду! Кисть так и впаривала в руки, краски так и играли, но графиня была недосыгаемая и неуловимая.

В тот год, когда графиня примеряла подвенечное платье, двадцатипятилетний художник переживал трагедию: в Риме, в мастерской художника, был траур. Одна из натурщиц, требовавшая к себе много внимания, не выдержала и бросилась с моста Понте-Молле в мутные воды Тибра. Туманная весть всколыхнула римский свет, и на художника стали смотреть, как на палача, грозно и с осуждением. Князь Григорий Иванович Гагарин, которому в молодости Брюллов «ставил руку и оттачивал глаз», занимавший в те годы пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Риме, зашел в мастерскую своего бывшего наставника и застал его в плачевном состоянии. Князь сразу же отвез отторженного художника к себе на виллу, в замок Гратто-Форрото под Римом. Однако, понимая, что уединение еще не выход из создавшейся ситуации, стал искать способ, как вывести художника из меланхолии. Неожиданно в Рим приехала

великая княгиня Елена Павловна. Прелестная княгиня считала себя ценителем и покровителем искусства, а посему князю удалось убедить ее заказать свой портрет у... Брюллова.

Ох, как старался художник! И не напрасно! Портрет лишь только еще заканчивался, а о нем уже летела молва по Риму. И когда он предстал перед светским обществом, глаза у всех заблестели жаждой. В мастерскую к Брюллову записывались в порядке очереди. Заглянула в мастерскую и графиня Самойлова и очаровала художника. Нет, это не то слово! Она околдовала своим изяществом и блеском. И две мятущиеся души сплелись в экстазе красоты...

Не поленитесь, найдите экспозицию картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Всмотритесь в изображенные женские лица. Во многих вы четко уловите черты Юлии Павловны Самойловой. Вот девушка с кувшином на голове. Точно, ее профиль. А видите на переднем плане лежащую женщину? Да, опять же черты Юлии Павловны. А посмотрите на портрет самого Брюллова на картине. Нашли? Кто с ним рядом? Она, Юлия Павловна...

Увлеченный, восторженный художник спешно делал наброски, писал картины...

Очевидец тех времен писал: «Брюллов неистов. Вот на картине Самойлова изображена во весь рост сходящей с лестницы Миланского театра с маскою в руке; к ней прижимается ее прелестная воспитанница Джованнина в костюме гречанки». Почти следом вспыхивает и другая картина со сходным сюжетом — портрет Самойловой во весь рост, где мальчик-негр услужливо подает графине накидку, а у ног веселится собачка.

Но однообразие тяготит графиню, и она уезжает в Париж, а художник с триумфом возвращается в Россию. Да, Александр Сергеевич Пушкин мимоходом перекинулся приветствиями и шепнул просьбу запечатлеть его Наталью.

Брюллов всюду был принимаем. И на одном из балов, устроенном любимцем Николая I, художник цепким взглядом при-

метил тихую, но привлекательную Эмилию Тимм. Умудренному опытом, избалованному женским вниманием это юное создание показалось существом, ниспосланным небесами. Как величаво она прошла по залу, как робко приподняла крышку рояля, как нежно коснулись ее изящные пальчики клавиш и какой дивный голос задрожал... А это еще кто осмелился подыгрывать на потерятой скрипке? Ах, ее отец... Мило! Как все мило.

Брюллов нащупал карандаш, листок бумаги. Мгновенно легли первые линии очаровательницы. Вот уже и сам образ...

Портрет дочери рижского бургомистра Эмилии сейчас выставлен в Третьяковской галерее, и его свободно можно созерцать. Вы сразу поймете, что Брюллов обладал тонким вкусом.

Эмилия была тронута вниманием гения. И она согласилась стать его женой... В Петербурге только и шептались о предстоящей свадьбе.

Даже государь одобрил решение художника тем, что на одном из балов станцевал с юной прелестницей востроу мазурку...

Свадьба была в полном разгаре, когда жених вдруг заметил отсутствие невесты. Бокал с вином был отодвинут в сторону. Брюллов нервно поглядывал на двери — никого. В голове вспыхивали всякие нелепые мысли. Брюллов встал, вышел на воздух, а потом вернулся и взлетел по лестнице вверх, на второй этаж. Проходя мимо спальни, пригвожденной для молодоженов, он машинально толкнул двери и остолбенел...

Как в это не хотелось бы верить. И в душе, сжав зубы, сказать: «Да чушь все это! Нелепица...» Хотелось бы... Но так она была планида у великого художника...

Когда я с возмущением рассказал об этом омерзительном поступке знакомому юристу, тот спокойно пожал плечами и сказал: «Тут нет ничего страшного. У немцев на этот счет есть оправдание. Они говорят: «Садовник сам сажает яблоно. Сам вырашивает ее и сам срывает с нее яблоко».

Этим оправдывают омерзительные поступки — сожительство отца с дочерью.

Брюллов сжал зубы и рванулся на свежий воздух. Голова раскалывалась от увиденного. Что там извержение Везувия! Что там нелепое самобийство итальянской девушки... Эта голая, потная спина на хрупком теле...

И Брюллов замкнулся. Высший свет, огорченный дерзким выпадом художника, терялся в догадках. Что произошло? Почему художник не прожил с женой и нескольких часов? Что это за выходка — покинуть невесту в час свадьбы? Что это за мальчишество? Рой недовольства докатился и до слуха Николая I. Он вызвал к себе шефа жандармов, уже начинающего приобретать нарицательную кличку, Бенкендорфа — Милейший Александр Христофорович, что там за разговоры вокруг свадьбы Брюллова...

Шеф жандармов робко подошел к царю и наклонился к левому уху царя. По мере того как он что-то шептал, царь краснел. — Да не может быть! — воскликнул он, когда Бенкендорф отошел. — Нет, не верю. Разберитесь!

А чего было там разбираться, когда фискалы, осведомители, агенты были наспигованы так густо, что напоминали патрон с мелкой дробью. Да и денег на содержание такой оравы было предостаточно выделено, потому как «чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить». Таковой рескрипт был подан императору, и тот утвердил его.

И вот художник, гениальный художник, перед которым благоговееют во всем мире, сидит в тесной каморке шефа жандармов. В его руке не кисть, а ручка, и скрежет она по бумаге, выдавливая уничижительные слова...

«Я страстно был влюблен, но родители невесты, в особенности ее отец, составили план женить меня на ней... Их дочь так искусно играла роль влюбленной, что я не подозревал обмана. И наша свадьба состоялась 27 января 1839 года. Однако я оказался свидетелем сцены, которая ошеломила, нет, просто убила меня...»

И на шести страницах Брюллов изложил, как требовал того шеф жандармов, свое покаяние, которое он глуже не хотел выставлять напоказ. Так оно и было. Письмо где-то хранится в далеких архивах, но всплыло же. А как не всплыть, коль касается великого художника. И в нем есть слова об извращенце — отце Эмилии. И вновь на Брюллова сыпанул черный дождь. И вновь осуждения в его адрес посыпались со всех сторон. Но вот тут-то, как и требует того закон возмездия, примчалась загоревшая, обсыпанная очарованием графиня Самойлова. Она мгновенно разобралась во всем, утешила художника и... заказала свой портрет...

И, как того требует жажда перемены мест, Юлия Павловна вновь ринулась в неизвестность, чтобы навечно остаться молодой в картинах великого Карла Брюллова.

Художник прожил всего пятьдесят три года. Графиня прожила 82 года и умерла в крайней нищете в Париже, под жалобное мяуканье голодных кошек, которых в ее комнатке было не счесть.

Так нелепо обрываются жизни некогда великих людей: забытых, униженных, отторгнутых не только родственниками, но и любимым отечеством... И приходит мысль, что здесь что-то не так. Ну не могло быть так. Не могло...

Я долго стоял у картины Брюллова «Портрет графини Юлии Самойловой». Красивая женщина! Властная. И неожиданно вспомнил другую картину, аналогичную первой. А где же она?

И привели меня поиски в заокеанский Вашингтон, в шикарный особняк Марджори Мериветер Пост. Особняк этот примечателен тем, что нет богаче музея. Вы только вчитайтесь, что там хранится вывезенного из нашего государства. Зал русских икон, платиновые изделия, изготовленные в честь коронации Николая I, хрустальные кубки императрицы Анны Иоанновны, Екатерины II, Елизаветы Петровны. Золотой кубок весом более двух килограммов, часы Петра Великого, венец, которым короновались последние три императора, изготовленный из поясов Екатерины II с 1535 бриллиантами. Миссис Пост, хозяйка этого сокровища, пояснила, что все эти вещи она поcupала в коммиссионных магазинах в СССР в 1936 году, когда со своим мужем, американским послом, была в Москве.

Но мы отвлеклись. Давайте пройдем в другой зал. О Боже! Какое великолепие картин! Вот Репин, вот Левицкий. А это! Маковский, «Боярская свадьба». Когда-то эта работа на выставке в Антверпене была удостоена Большой Золотой медали и ордена Леопольда.

А вот во всем великолепие картина Брюллова «Портрет графини Ю.П. Самойловой с воспитанницей и аралчонком». Вот куда занесло вечно мятущуюся графиню. Теперь хоть адрес известен. А сколько полотен разбросано по белу свету и адреса не отыщешь. А надо ли?..

Сергей КАМЕНЕВ

На снимке: Карл Брюллов. «Портрет графини Ю.П. Самойловой с воспитанницей».